

ПАВЕЛ РЫКОВ

РУССКИЙ
О
РУССКОМ

СТИХИ

ор84
р 94

ор84

Павел Рыков

84(р-111.2)6-5
+ ор84.5

РУССКИЙ О РУССКОМ

С 01С566С-10

КР

Оренбург 2023
Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

БРАТУ

- А, Русский – это кто?

- А, Русский – это Мы!

Из глубины веков идём державным строем,
Порой, во тьме. Но путь нашли из тьмы.
Через бурелом. Но от тоски не воем.

- Куда идём?

- А в поле – сеять хлеб.

И строить дом, и ребятню лелеять.

Друзей принять за праздничным столом.

И жизнь воспеть, и в поднебесье реять.

- А эта необъятная земля?

- Она в удел дана для счастья и работы.

Навек. По Воле Божией, твоя!

И нет, мой брат, иной у нас заботы,

Как украшать её. И утешать обиженных и сирых.

Беречь леса, в них дикое зверьё

И пестовать любимую Россию.

- А, если вдруг...

- Отыщем мы ответ;

И пёсью свору сокрушим, стегая –

Бывало так не раз за много лет!

Мы в трудный час всегда с тобой, Родная.

Всё одолеем, всем врагам назло,

Чтоб пёкса хлеб, чтоб детям песни пелись.

Мы – Русские! Нам, Брат мой, повезло!

К нам Храмы Белые, как лебеди, слетелись.

19.01.23.

Нас убалтывают
именовать себя рАсеянами.
Дескать, национальное —
взгляд устарелый и узкий.
А тут бабы грянули песняка,
да под переливы баянны.
И душа моя возликовала:
Я — Русский!

А на пригорочке средь берёз
могилы дедОв на погосте.
А в огороде по осени
головасты кочны капустные.
Что кривитесь:
Это, мол, не Манхеттен! Слишком всё просто!
Видал я Манхеттен!
Именно поэтому Я - Русский!

Будем жить! Не привыкать нам;
Одолеем и теперешнее лихолетье.
Геенну огненную в перепляс перейдём
хоть по досточке узкой.
Нам ли пугаться проклятий
да завистливых междометий!
Что они нам...
Ужель мы не Русские!

Ни от чего не отрекаюсь. Ни от чего!
Всё, что было с Россией, было со мною.
В колодезь ли посмотришь, в небо ли - далеко
Видишь явственно, как доброе, так и злое.

Но, оно не чьё-нибудь, а моё;
Не занесено из-за морей ветром попутным.
Князьки ли распри, простонародное ли зверье
Схимники да Пророки, девки ли беспутные.

Встану на колени, да Господу помолюсь:
- Благодарю, Создатель, что дозволил родиться
На земле, что носит имя зовущее – РУСЬ,
И живой её водою из горсти напиться.

ПРОСТОРЕЧЬЕ

Среди сыртов, в низине
Вода кипит ключом,
Своё склоняя имя:
Ручья, ручью, ручьем.

А то глаголы нижет:
Глотать, глотнуть, глотни.
По склону ниже, ниже –
Попробуй, догони

Черпну железной кружкой
И отопью глоток,
И стану молча слушать
Ручейный словоток.

Вот также человечесий
Ручей текма течёт:
Отрада просторечья –
Согласных пересчёт.

В вагонных перестуках,
В базарной суете.
Такая это штука –
Быть сразу и везде.

Слови его, ступай-ка!
А ну, спроворь, браток!
Ах, девка-молодайка,
Позволь под локоток.

С плеча словечко сронит,
И вмиг немеешь ты,
И даже зубы ломит
От этой простоты.

Где с песнями, где с матерком
Да с топором за опояской
Шли на Восток Материком
С молитвою и без опаски.

Лишь эта мера впору нам:
Аршин смешон, верста некстати.
Ладьи по ледяным волнам,
По топям настилали гати.

Здесь степь, а там – глухая падь.
А дальше горы-шкуродёры.
Страна росла за пядью пядь,
С молитвой возводя соборы.

Не говорите: «Всё в былом;
Что воры - все и все – злодеи,
А наш спаситель – Костолом
И костоломные идеи.

А счастье – то, что в кулаке
Зажато хваткой окаянной,
Иль продаётся на Толчке
За медный грошик иностранный».

Нет! С песнями да матерком,
Да с топором за опояской
Пройдём опять Материком.
А коли надо... и Аляской!

Когда лиходеи Царя убивали,
Их дети спокойно в домах почивали.
Ударили выстрелы, пули пропели.
Но спали младенцы в своей колыбели.

Рассеялся дым от стрельбы оголтелой...
Кровило Святое Царевича тело.
Тех, кто уцелел, добивали штыками.
К Царице злодеи тянулись руками.

В расчёте, на скорое счастье, людское
Бессудно казнённых зальют кислотою.
И тайно под шпалы убитых сокроют,
И Русь окропят царской, жертвенной кровью.

А дети безвинные спят и не знают,
Какую судьбу им отцы насылают.
В грядущие годы претерпит Россия.
Какие терзанья, мученья какие

И нет ей пощады, и нет ей спасенья,
За грех нераскаянный - за убиенье.
Светает. Всех тяжкое ждёт пробужденье –
Эпоха всеобщего уничиженья.

Но, малые дети. Но, малые дети...

ДЕДУШКИН ОБЕД В 1921 ГОДУ

Дедушка мой, Семён Васильевич,
Закатывает обед. Потому что диво как хочет жрать.
Он ещё молод и полон сил
И силам этим плевать
На то, что Лев Давидович уже объявил
Близость восстания мирового пролетарьята.
И потому загаженный зал ожидания на станции Поньри
Изукрашен призывом с плаката:
Там Троцкий приглашает пролетария на коня.
Но что там Троцкий ни говори,
Дедушка мой закатывает обед,
Потому что ему хочется жить и дожить до меня.
Он с головою накрылся своею солдатской шинелью,
Которая не спасает от бед -
От продотряда или, не дай Бог, шрапнели,
Но позволяет спокойно поесть.
Дедушка лезет за пазуху. Он знает, что есть
Под мышкой, в затаённом кармане
Хлеб. Кусок. Нет, кусочек. Точнее, один укус.
Чёрный. Но достаточно пропечённый,
И такой вождеденный на вкус.
И одно только ожидание вкуса разрывает сознание.
Он перемещает хлеб поближе ко рту.
Откусывает долго. И замирает.
Хлеб, согретый слюной, оттаивает
И излучает немыслимую вкусноту.
Но, как ни борись, хлеб источает
Запах. И запах этот начинает заполнять
Зал ожидания на станции Поньри.
И его не спрятать, не утаить, не замаскировать.
Он никак не хочет оставаться под шинелью, внутри.
И на этот запах, выставив раздутые от голода животы,
Переступая бестелесными ногами,
Сходятся дети,
И глаза их пусты.
Потому что они не верят никому на свете.

Потому что почуяли хлеб своими почуткими носами,
Потому что голод на станции Поныри,
Потому что в России голод.
Потому что пламя революции горит,
Потому что по серпу наяривает молот,
А тут дедушка, как назло, молод
И способен отстоять хлеб, дотаивающий во рту.
А пламя революции продолжает пылать,
Освещая голод и пустоту.
Лев Давидович, Владимир Ильич и другие провидцы
В Кремле
Не устают дискутировать: продолжать или не продолжать
Путь в коммунизм или до времени затаиться
И дать отдохнуть пулемёту и земле.
А дети всё смотрят, как человек под шинелью жуёт.
Только смотрят - и ничего более.
И только один тихонько так: «Дядя...»
Говорит в пространство, на дедушку даже не глядя,
Говорит запаху хлеба, говорит лесу и полю,
Говорит России
Говорит Богу, которому приказали не быть,
Говорит небытию, от которого нет спасенья
На станции Поныри. А гвозди продолжают гвоздить
Руки России к кресту
Без всякой надежды на Воскресенье.
«Взгляни на птиц небесных. Они...»

Дедушка всю жизнь вспоминал эти дни
И вкус хлеба, съеденного тайком,
Как самое страшное своё прегрешенье.
Хотя был безбожником и вполне здравомыслящим стариком.

ЖЁНЫ ОФИЦЕРСКИЕ

Вы уходили навеки, навеки, навеки,
Зная, что дома вас пули расстрельные ждут.
Так предназначено Господом: Время и реки
Неумолимы и вспять никогда не текут.

Не бриллиантовый блеск, не сапфиры с рубином
Вы увозили, подобно ребёнку, прижав их к груди, -
Изображения предков, таких бесконечно любимых,
С вами плывущих в изгнание, которое ждёт впереди.

Сколь беспощадна судьба; Офицерские жёны –
Флотских фамилий старинных и Слава и Честь –
Там, за кормою останки именей сожженных,
Вопли толпы, кровожадные выкрики: «Месть!»

Курсом на West! Там закат наливается кровью.
Где твой последний причал, Императорский флот?
Шли корабли, направляемы вечной любовью.
Прежней России могучий и верный оплот.

Воды сомкнулись. Эскадра растаяла в дымке
Время безжалостно. Но, не дано нам забыть
Жен офицерских, их жертву во имя любимых.
Знавших наверное: жертвовать – значит любить.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста Данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 61-60-26